

превозносить все русское на счет иноземнаго и наклонность искать золотого вѣка въ минувшей старинѣ. Когда въ 1853 г. въ Москву пріѣхала Рашель и славянофилы во имя національной славы стали доказывать, что Рашель ничего не понимаетъ въ сценическомъ искусствѣ, Щепкинъ разсказалъ своимъ пріятелямъ-славянофиламъ такую притчу: „Я знаю деревню, гдѣ искони всѣ носили лапти; случилось одному мужику отправиться на заработки, и вернулся онъ въ сапогахъ. Весь міръ закричалъ хоромъ: какъ это можно! Не станемъ, братцы, носить сапоговъ, наши отцы и дѣти ходили въ лаптяхъ, а были не глупѣе насъ; вѣдь сапоги—мотовство, развратъ! Ну а кончилось тѣмъ, что черезъ годъ вся деревня стала ходить въ сапогахъ“ ¹⁾. И Щепкинъ всегда полагалъ вѣру въ родной народъ не въ идеализаціи лаптей, а въ твердой вѣрѣ въ способность своего народа дойти и до сапоговъ. Это одно уже создавало рѣзкую грань между Щепкинымъ и славянофильскимъ теченіемъ общественной мысли. Никогда не соглашался Щепкинъ и съ тѣмъ, чтобы можно было искать общественный идеалъ въ прошломъ, а не въ будущемъ. Онъ всецѣло былъ преданъ идеѣ прогресса. „Минувшая эпоха,—говорить Аѳанасьевъ, хорошо знавшій Щепкина,—не имѣла для него того обаянія, какъ для многихъ стариковъ; онъ не прикрашивалъ ея небывалыми достоинствами и не унижалъ заслугъ настоящаго; любимая его мысль была та, что Россія идетъ впередъ, и онъ любилъ подтверждать эту мысль сравненіемъ настоящихъ нравовъ съ прошедшими“ ²⁾.

Эти прогрессивныя убѣжденія у Щепкина вытекали изъ жизненнаго опыта, а не изъ книжныхъ теорій. Потому-то онъ и не раздѣлялъ славянофильскихъ иллюзій, что для него былъ совершенно очевиденъ ихъ книжный, не жизненный характеръ. Когда его старались убѣдить въ преимуществахъ стараго надъ новымъ, въ послѣдовательной порчѣ смѣняющихъ другъ друга поколѣній, онъ видѣлъ въ такихъ толкахъ просто поверхностное незнаніе восхваляемой старины и возражалъ указаніемъ на

¹⁾ Аѳанасьевъ: Щепкинъ и его записки. Библіотека для чтенія 1864 г., № 2.

²⁾ Ibid.